

(PHILOSOPHY)

Олдос
ХАКСЛИ

Вечная
философия

Издательство АСТ
Москва

УДК 101
ББК 87
Х16

Серия «Философия – Neoclassic»

Aldous Huxley
THE PERENNIAL PHILOSOPHY

*Перевод с английского
Е. Сыромятниковой, Н. Сидемон-Эристави*

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения Aldous and Laura Huxley Literary Trust,
The Estate of Matthew Huxley, Deceased и литературных агентств
Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg.

Хаксли, Олдос.

Х16 Вечная философия / Олдос Хаксли; [пер. с англ.
Е. Сыромятниковой, Н. Сидемон-Эристави]. — Мо-
сква: Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Филосо-
фия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-106052-7

Олдос Хаксли (1894—1963) — известный английский писатель, философ, литератор, автор знаменитой антиутопии «О дивный новый мир», а также многих романов, философских трактатов, рассказов, стихов и критических эссе.

«Вечная философия» — блестящее исследование духовного наследия всех мировых религий. В основе этой книги — канонические тексты, шедевры философской мысли и мировой литературы.

УДК 101
ББК 87

© Aldous Huxley, 1944, 1945
© Перевод. Е. Сыромятникова, 2017
© Перевод. Н. Сидемон-Эристави, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Введение

Philosophia Perennis. Автор этого меткого выражения — Лейбниц, но само явление — метафизика, которое признает существование божественной реальности, лежащей в основе всех вещей, жизней и разумов, психология, которая видит душу как нечто подобное или даже тождественное божественной реальности, этика, которая считает конечной целью человечества постижение имманентной и трансцендентной Основы всего мироздания, — существует повсеместно с незапамятных времен. Зачаточные формы Вечной философии можно найти в традиционных преданиях примитивных народов по всему миру, а в полностью оформленном виде она присутствует в каждой религии. Первое письменное упоминание об этом Высшем Общем Факторе всех прошлых и будущих религий можно найти в тексте, созданном более двух с половиной тысяч лет назад, и с тех пор к этой неиссякаемой теме обращались снова и снова, с точки зрения всех религиозных традиций, на всех основных европейских и азиатских языках. На страницах этой книги я свел выдержки из писаний, выбранных в первую очередь из-за их значимости, поскольку они ярко иллюстрируют тот или иной аспект общей системы Вечной философии, но еще и потому, что это нео-

бычайно красивые и запоминающиеся тексты. Главы книги состоят из этих цитат моих комментариев, с помощью которых я привожу те или иные примеры, создаю общую канву, развиваю ту или иную мысль или делаю пояснения там, где это необходимо.

Знание — функция существования. Когда в существовании знающего происходит перемена, соответствующая качественная и количественная перемена происходит и в знании. Например, существование ребенка через развитие и воспитание преобразуется в существование взрослого человека, и один из результатов этой перемены — радикальное преобразование способов познания и количества предметов знания. Когда индивид взрослеет, его знание становится более систематическим и концептуальным по форме, а фактическое, утилитарное содержание данного знания возрастает. Но за эти преимущества приходится расплачиваться определенным ухудшением способности к непосредственному восприятию, притуплением или даже полной потерей интуиции. Или рассмотрим перемену, которую ученый производит механически с помощью своих инструментов. С помощью спектроскопа и шестидесятидюймового отражателя астроном обретает сверхъестественное зрение, и, как и следует ожидать, знание этого сверхчеловека будет качественно и количественно значительно отличаться от знания, доступного тому, кто смотрит на звезды простыми человеческими глазами.

Но на знание влияют не только перемены в психологическом или интеллектуальном состоянии знающего. То, что мы знаем, зависит также от того, как мы, будучи существами, наделенными моралью, создаем себя сами. «Практика, — говорил Уильям Джеймс, — может изменить наш теоретический горизонт двояким обра-

зом: привести в новые миры и наделить новыми силами. Знание, которое нам никогда не обрести в нынешнем нашем состоянии, может стать доступным, если мы с помощью морали получим силы и жизнь более высокого порядка». Или, более лаконично, «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». И ту же мысль выразил поэт-суфий, Джалаладдин Руми: «Любовь — астрология божественных тайн».

Повторюсь, книга — антология Вечной философии, однако в ней очень мало цитируются профессиональные писатели, и, хотя она посвящена философии, в ней почти нет изречений профессиональных философов. Причина очень проста. Главный предмет Вечной философии — единая, божественная реальность, присущая многообразному миру вещей, жизни и разумов. Но природа этой единой реальности такова, что постичь ее мгновенно и непосредственно могут лишь те, кто соблюдает определенные условия, кто чист сердцем и нищ духом. Почему? Мы не знаем. Это один из тех фактов, которые мы должны просто принять, нравятся они нам или нет, какими бы невероятными и неправдоподобными они ни были. В нашей повседневной жизни у нас не возникает сомнений, что вода состоит из водорода и кислорода, и все же если мы произведем над ней определенные суровые процедуры, природа ее составляющих станет очевидна. Точно так же в повседневной жизни у нас нет поводов предполагать, что среднестатистический человеческий разум содержит в себе нечто подобное или даже идентичное реальности, присущей многообразному миру, и все же, если произвести над ним определенные суровые процедуры, божественная составляющая, хотя бы отчасти заключенная в нем, станет очевидной не только самому разуму, но и, отражен-

ная во внешнем поведении, другим разумам. Только проводя физические эксперименты, мы можем обнаружить сокровенную природу материи и ее потенциала. И только проводя психологические и моральные эксперименты, мы можем обнаружить сокровенную природу разума и его потенциальные возможности. При обычных обстоятельствах в обычной чувственной жизни эти потенциальные возможности остаются в спящем, не проявленном состоянии. Если мы хотим осознать их, то должны выполнять определенные условия и подчиняться определенным правилам, легитимность которых была доказана на опыте.

Что касается профессиональных философов и писателей, судя по свидетельствам, лишь немногие из них приложили много усилий, чтобы выполнить необходимые условия непосредственного духовного постижения. Когда поэты или метафизики говорят о главном предмете Вечной философии, они обычно опираются не на личный опыт. Но в любую эпоху жили люди, решавшие выполнить условия, необходимые для достижения этого непосредственного знания на личном опыте. Некоторые из них оставили записи о реальности, которую они познали, и потому получили возможность соотнести в единой системе мышления это переживание и факты остального своего опыта. Таких людей, рассказывающих о Вечной философии на основании личного опыта, обычно называли «святыми», «пророками», «мудрецами» или «просветленными». И именно к ним, а не к профессиональным философам и писателям я обратился, имея логичные основания предполагать, что они знают, о чем говорят.

В Индии существует два вида писаний: *шрути*, или вдохновенные писания, которые авторитетны сами по

себе, поскольку основываются на непосредственном осознании абсолютной реальности, и *смрити*, которые основаны на шрути и из них черпают авторитетность. «Шрути, — пишет Шанкара, — основаны на прямом восприятии. *Смрити* подобны прологу, ибо, как и пролог, основываются на авторитете ином, нежели свой собственный». Эта книга — антология отрывков из *шрути* и *смрити* различных эпох и народов, сопровождаемых пояснительными комментариями. К сожалению, мы так хорошо знакомы с текстами, традиционно почитаемыми как святыни, что впадаем в своего рода нечувствительность, ступор духа, внутреннюю глухоту к священным словам. Поэтому, когда мне нужно было проиллюстрировать доктрины Вечной философии в западном изложении, я почти всегда обращался к иным источникам, нежели Библия. Христианские *смрити*, откуда я брал цитаты, основаны на *шрути* канонических писаний, но обладают тем огромным преимуществом, что они менее известны, а потому более выразительны и, так сказать, более слышимы. Более того, многие из этих *смрити* — труды настоящих святых, которые выполняли необходимые условия и потому на личном опыте знали, о чем говорят. Следовательно, эти труды можно рассматривать как вдохновенные и самодостаточные *шрути*, порой более обоснованные, чем многие тексты, включенные в библейский канон.

В последние годы предпринимался ряд попыток разработать систему эмпирической теологии. Но несмотря на пронизательность и интеллект таких писателей, как Сорли, Оман и Теннант, на этом поприще они добились успеха лишь отчасти. Даже у лучших авторов эмпирическая теология получается не слишком убедительной. Причина, как мне кажется, кроется в том, что теологи-

эмпирики сосредоточили практически все свое внимание исключительно на опыте тех, кого более ранние теологи называли «необращенными» — то есть на опыте людей, выполнявших далеко не все условия обретения духовного знания. Но за две или три тысячи лет религиозной истории неоднократно заново подтверждался неоспоримый факт, что абсолютную реальность могут ясно и непосредственно осознать лишь люди, преисполненные любовью, чистые сердцем и нищие духом. В свете этого неудивительно, что теология, основанная на опыте хороших, но обычных, необращенных людей, столь неубедительна. Такая эмпирическая теология — то же самое, что эмпирическая астрономия, основанная на наблюдениях невооруженным глазом. Можно без всякого телескопа разглядеть размытое пятнышко в созвездии Ориона и на этом основании выстроить несомненно внушительную космологическую теорию. Но никакие теории, какими бы гениальными они ни являлись, не смогут поведать нам о небесных телах этой и других галактик столько, сколько мы сможем узнать через непосредственное восприятие при помощи телескопа, камер и спектрографа. Подобным образом никакие теории о тех смутных очертаниях, которые мы можем мельком углядеть в обычном, «необращенном» существовании, не расскажут о божественной реальности столько, сколько можно воспринять разумом, подготовленным с помощью отрешения, любви к ближнему и смирения.

Естественные науки эмпиричны, но они не сводятся к опыту людей в их обычном, никак не измененном состоянии. Почему теологи-эмпирики считают, что должны ставить себя в заведомо невыгодное положение — одному Богу известно. И конечно, пока весь эмпирический опыт остается в рамках этих слишком че-

ловеческих ограничений, эмпирические теологи обречены на то, чтобы лучшие их усилия выглядели нелепыми. Из того материала, который они отобрали для изучения, даже самый одаренный человек может извлечь лишь ряд предположений или в лучшем случае правдоподобных вероятностей. Самоочевидная определенность прямого восприятия по законам мироустройства доступна лишь тем, кто вооружен «астролябией божественных тайн». Если человек не мудрец и не святой, то лучшее, что он может сделать в области метафизики, — изучить труды святых и мудрецов, тех, кто, выйдя за пределы простого человеческого существования, смог обрести качественно и количественно больше, чем просто человеческое знание.

Глава 1

ТО ЕСТЬ ТЫ

Вечную философию можно начать исследовать либо с нижней части — с практики и морали, либо с верхушки — с рассмотрения метафизических истин, либо, наконец, с середины — исследуя то средоточие, где сходятся разум и материя, действие и мысль — в психологии человека.

Нижние врата предпочли наставники-практики — люди, которые, подобно Будде, не любили абстрактных рассуждений, но считали, что главная их цель — погасить бушующее в человеческих сердцах пламя алчности, ненависти и страсти. Через верхние врата входят те, чье призвание — мыслить и рассуждать, — прирожденные философы и богословы. Средние врата — для адептов так называемой духовной религии: индийских созерцателей, мусульман-суфиев, католических мистиков позднего Средневековья и таких протестантов, как Денк, Франк, Кастеллио, Эверард, Джон Смит, первые квакеры и Уильям Ло.

Именно через этот вход — просто потому, что он центральный, — мы и ступим на путь к основной сути данного исследования. Психология Вечной философии

берет начало в метафизике, и из нее логически проистекает определенный образ жизни и этическая система. Начав в центральной точке, мы сможем легко направлять исследование ее доктрин в любую сторону.

В данном разделе мы сосредоточимся всего на одной характерной черте этой традиционной психологии. Это самая важная черта, на ней особенно горячо настаивали все последователи Вечной философии, — и, стоит добавить, к психологии она имеет меньше всего отношения. Дело в том, что доктрина, примеры которой мы приведем в этом разделе, относится скорее не к психологии, но к аутологии — науке, изучающей не индивидуальное «я», но вечное «Я». Оно существует в глубине отдельных, индивидуальных «я» и идентично или по меньшей мере подобно божественной Основе.

Это учение основано на непосредственном опыте тех, кто соблюдал необходимые условия для обретения такого знания, и наиболее кратко его можно выразить на санскрите, фразой «*тат твам аси*» — «То есть ты». Атман, имманентное вечное Я, представляет одно целое с Брахманом, Абсолютной первоосновой всего сущего, и конечная цель любого человека — постичь это самостоятельно, открыть, Кто он такой.

Чем более присутствует Бог во всех сущих вещах, тем более Он присутствует вне оных. Чем более Он внутри, тем более вовне.

Экхарт

Только трансцендентное, совершенно иное, может быть имманентно предмету, не становясь при этом им.

Вечная философия учит, что желательно и даже необходимо знать духовную Основу вещей не только в своей душе, но и во внешнем мире, и за пределами мира и души, в трансцендентном ином — «на небесах».

Бог вездесущ, однако тебе Он предстает лишь в самых глубоких и сокровенных уголках твоей души. Природные ощущения не могут содержать в себе Бога или связать тебя с Ним, нет, внутренние способности — понимание, воля и память — могут лишь стремиться к Богу, но не могут быть Его пристанищем в тебе. Но существует твое самое сокровенное, тот корень, из которого произрастают эти способности, как линии исходят из центра или как ветки произрастают из ствола дерева. Это сокровенное называется центром, дном или основанием души. Это сокровенное — единство, вечность, то, что я едва не назвал безграничностью твоей души, ибо оно столь бесконечно, что ничто не может дать ему насыщения или покоя, кроме безграничности Бога.

Уильям Ло

Этот отрывок, казалось бы, противоречит сказанному выше, однако это противоречие мнимое. Бог внутри и Бог вовне — два абстрактных понятия, их можно воспринять на уровне понимания и выразить словами. Но факты, к которым относятся данные понятия, можно осознать либо испытать на себе лишь в «самых глубоких и сокровенных уголках души». И это в равной мере относится и к Богу внутри, и к Богу вовне. Но хотя два

абстрактных понятия должны воплощаться, если представить это в терминах пространства, в одном и том же месте, сущностная природа постижения Бога внутри качественно отличается от природы постижения Бога вовне, и обе они, в свою очередь, отличны от природы постижения Основы, пребывающей одновременно внутри и вовне — в качестве *Я* того, кто воспринимает, и в то же время, как сказано в Бхагавад-Гите, в качестве «Того, кто пронизывает всю Вселенную».

Лет двенадцати Шветакету послан был к наставнику, у коего и обучался, пока не достиг двадцатичетырехлетнего возраста. Изучивши все Веды, воротился он домой, — самодовольный, преисполненный гордыни от уверенности в совершенстве своей учености.

Отец же рек ему:

— О Шветакету, дитя мое, раз уж ты столь исполнен учености и самодовольства, то, верно, испросил ты и мудрости, что позволяет человеку слышать неслышимое, зреть незримое, познавать непознанное?

И спросил Шветакету:

— Что же то за мудрость, господин мой?

Отец отвечал:

— Подобно тому, как по единому комку глины познается все сотворенное из глины, ибо разница — лишь в имени, истина же в том, что глина есть глина, — так познаем мы, дитя мое, сию мудрость, и с нею познаем все.

— Думается мне, что почтенные мои наставники не ведали этой мудрости, — ибо, будь она ве-